

ВЪ ЦЕРЕМЕЖКУ.

НАБРОСКИ И НЕДОМОЛВКИ.

По поводу спектаклей художественного театра. Настроение публики и способ его выражения. Кое-что о диктантах пьесы. Романский завет. Выступление на сцену г. Астрова.

— Уфхала!...

Такой тоскливый возглас вырывается, въ последний актъ «Дяди Вани», изъ груди оставшихся на сценѣ действующихъ лицъ.

Такъ же тоскливо восклицаетъ теперь и наша театральная публика по адресу московского художественного театра:

— Уфхала!...

Московский театр оставилъ нашу публику въ тоскѣ, въ тихой грусти. Это настроеніе навѣрно войдетъ, что ей довелось видѣть на сценѣ во время представленія двухъ пьесъ А. П. Чехова, навѣрно *содержаніемъ* этихъ пьесъ, такъ безукоризненно художественно переданнымъ артистами московского театра.

Передъ глазами зрителей до сихъ поръ стоитъ безнадежно тоскливая картина застывшей жизни, изображенная въ последнемъ актѣ «Дяди Вани», стоитъ уныло-позорныя лица...

Все кончено. Замокнули дробные удары поковки по деревянному помосту—уфхала! Стало отравно тихо. Гдѣ-то затрещалъ сверчокъ. Телѣнныя награвываютъ тихую мелодію на гитарѣ, шепчутъ кто-то на сетахъ, свистѣтъ дама и тѣстень, тихо шепчутъ Сова, хороша оладки грезь первой дѣвической любви, нана везетъ чулокъ. Тоска... тоска...

Эта «пауза», великолѣпно выдержанная артистами, никогда не изгладится изъ памяти. Потому не изгладится, что производитъ сильное впечатлѣніе своимъ ужаснымъ, такъ сказать, символическимъ значеніемъ.

— Вѣдь это мы!—думаетъ въ содроганіи каждый зритель, уйдя изъ театра:—вѣдь это символъ нашей, провинціальной жизни!...

И въ этомъ, какъ намъ кажется, кроется все огромное достоинство пьесы А. П. Чехова. Хиураа миза писателя заставляетъ провинціального зрителя посмотреть на себя самого, такъ сказать, со стороны. Онъ смотритъ—и его беретъ тоска... Какая-же это тоска, унылая жизнь!—уфхалось онъ.—Какъ она засасываетъ человека въ тѣлу, что она изъ него дѣлаетъ! «Неужели жить другой жизни, какъ только пить водку и играть въ карты?» горь-

ко спрашиваетъ Сова своего врача Астрова. Нѣтъ! И зритель, уйдя изъ театра, то-же видитъ, что нѣтъ...

Въ интрактахъ первого спектакля, когда шла «Дядя Ваня», публика издалась впечатлѣнной. Часть (не очень многочисленная) ораву пошла все какъ слѣдуетъ быть в восторгала отъ художественности игры; другая часть выражала нѣкоторое разочарованіе...

— Скучно какъ то все это!—говорили они:—действующихъ лицъ ходятъ по сценѣ словно дѣтскія мухи на стеклахъ окна. Въ нощь, тоскуютъ, скучаютъ. Это нѣтъ имъ видать въ своей собственной жизни, не стоитъ за стѣну ходить въ театръ...

Вотъ! Артисты московского театра соединенными силами великолѣпно передали картину подлинной жизни, сообщили настроеніе автора зрителямъ; настроеніе, какъ видите, передано даже зрителямъ, мало понимающимъ; они почувствовали *тонъ* пьесы, но не поняли, что въ этомъ тонѣ сила пьесы в то именно для этого и стоитъ ходить въ театръ. Они привыкли ходить въ театръ только за тѣмъ, чтобы видѣть то, чего не приходится видѣть амъ въ своей обыденной жизни; амъ нужны потрясенія, нарастающія страсти, необыкновенныя коллизіи, героическія роли, центральныя фигуры. Однимъ словомъ, амъ нужно видѣть то, что не похоже на нихъ самихъ... И только то имъ и можно понравиться. А тутъ пришлось посмотреть на самихъ себя, видѣть въ отчетливомъ отраженіи условія собственного существованія, тѣлу своей жизни. Немодно глѣзи въ голову мысли: чѣмъ же мы живемъ въ этой жизни? Что дѣлаемъ? И остановилось имъ жутко...

* *

Въ концѣ концовъ, послѣ третьяго спектакля, московскій театръ заполонилъ-такъ всю публику, всю безъ исключенія. Къ четвертому спектаклю всѣ уже были, что называется, готовы. Энтузіазмъ достигъ высшей степени и севастопольская публика не ударила лицомъ въ грязь; за нее краснѣть не придется. Вѣдь Севастополь—первый провинціальный городъ, которому показанъ новый московскій театръ; ему первому изъ провинціальныхъ городовъ амъ театръ предъивилъ свою задачу, свое посланіе новыхъ путей, свои силы и средства. Предъивалъ и оказалъ:

— Смотрите и судите!

Надо полагать, что г. Непировичъ Данченко, въ отнѣтъ на поднесенный группѣ востор-

Крымский вестник. Севастополь.

1900. 16 апреля. № 97.

С. 2.

женный адрес от имени публики, вполне искренно говорил, что, отирая лезвие первый раз в провинцию, в Севастополь, труппа испытывала некоторый страх и робость: как-то принять? как отнесутся? Такой страх понятен даже в такой сильной, могущественной армии, какую представляет собой московская труппа; как бы ни была сильна театральная труппа, она всегда может быть побеждена еще более могущественным врагом, который называется: равнодушие публики. Этот враг иногда бывает беспощаден... И выступая от против московского театра у нас—театру-бы не поздоровилось. Говори потом, что наша публика невежественна, что она не доросла до понимания новых путей в искусстве, новых приемов в исполнении и т. п. Говори не говори, а факт остался-бы фактом: первый провинциальный город, куда заглянул новый московский театр, этого театра не одобрил...

Но этого, благодаря Бога, не случилось. Офицер Вполет по заслугам офицер и помимо обычных, восторженных валингов выразил одобрение совершенно небывалым у нас способам: труппа поднесла адрес, подписанный публикой. Сотни подписей пестрили листы и сотни желающих подписать даже не хватало места! Листы лежали возле кассы и все непрерывно подписывали, толкаясь и спеша «приложить» руку. Такой энтузиазм и по такому поводу чрезвычайно приятно было видеть. Поведение нашей публики на этот раз было таково, что можно ей смело поставить пять с плюсом.

Среда кликов, вызовов, рукоплесканий, которыми оглашала театр, в эти дни, слышалась, между прочим, и отчаянное возглас:

— Шляпы давай!

Возгласы эти слышались сверху, снизу, со всех сторон. В последний вечер с особенною рвучкостью с верховь что-то прямо заревать:

— Шляпы давай!

Что это за возгласы? Разумеется, вы понимаете, что это относилось к дамским шляпам, ибо кавалеры в нашем театре сидят без шляп.

Значит, дошли таки!

«Уж сколько раз твердили миру», что дамским шляпам в театре положительно отравляют жизнь существование. Коль скоро вы попали на такое место, что передь вами

сидит дама в шляп—уходите лучше домой и не терять напрасно времени. Ибо все равно, вы сидите в проходах и на ней не увидите: передь вашими глазами будеть колыхаться лезвие страусовых перьев, или целый огород; вы видите огромные кюветы винограда, каких-то птиц, огромные багеты, кружева... И в итоге того, чтобы зреть проходящее на сцене, вы обречены на то, чтобы целый час рассматривать и изучать сложное устройство дамской шляпки. А стоит вам немножко зазваться,—и какая-нибудь кювет винограда или перо бьет вас по носу или лезет в глаз. Положение!

Покойный Разумный много лет пытался найти средство для борьбы с этим злом,—но ничего не мог придумать, кроме публикации на афишах, в которой, со свойственным ему своеобразностью выражений, излагал: «из виду недоразумений, возникающих по причине дамских шляпок»... и т. д. Одним словом, от Христом Богом умолил дам снимать шляпы для входа в зрительный зал. Но публика не встретила сочувственного отклика в сердцах дам; «недоразумения по причине дамских шляпок» продолжали возникать неукоинительно.

— Хорошо. Как же вы полагаете возможным бороться с этим?

Как? Это сразу не придумаешь. Надлежало бы, вообще говоря, санин дамкам придумать, но... Какой-то мудрец (а, может быть, и дурак) оказал: у дам голов существовать только для того, чтобы носить шляпки. Так это или не так, но на всякий случай надо бы, полагаете на дам, санин придумать что-нибудь.

Лучше всего так: пускай городская управа обяжет конкурсов на изобретение способа избавиться от дамских шляпок.

Премия изобретателю—100.000 рублей.

Срок—8 дня, ибо необходимо спешить.

Во всяком случае, если найдено будет средство оклонить дам к снятию шляп, надо устроить место для склада оных.

Нельзя же, в закон дѣл, требовать, чтобы дамы держали шляпы в руках. Это уже будет требование не галантное и даже жестокое. Коль скоро дама сняла шляпу, она вправе требовать, чтобы ей дали удобное место для возложения шляпы на голову с надлежащими предосторожностями.

Из разговоров в эти дни антрактов.

С. 2.

— А, знаете, что, между прочим, мы появились в обстановке художественного театра?

— Ну?

— Занавес. Какъ мало и просто. Во-первыхъ, хорошо, что онъ не поднимается, а раздвигается; во-вторыхъ, занавесъ простъ, неширокий; острое цокотко и скромная кайма. Самое же приятное заключается въ томъ, что убралъ хоть на время безобразный занавесъ нашего театра, за который положительно нельзя смотреть безъ крайняго отвращения.

— Почему такъ?

— А вы развѣ забыли? Этотъ занавесъ, съ публикаціями разныхъ «фирмъ»... Вѣдь Альшванга, вѣдь Отарова, гастрономическій магазинъ Сакнэчи, готовое платье Зусмана; такъ-то большой выборъ обуви. здѣсь мануфактурный товаръ... Пожалуйте! Я въ театрѣ для того и хожу, чтобы хоть на время уйти отъ всего этого; а тутъ приходится сидѣть и читать рекламы. Безобразіе! Гдѣ-то такъ издавали дать рекламѣ доступъ на театральномъ занавесѣ, а нынѣ немедленно начали подражать; теперь это, кажется, уже вездѣ брошено, а у насъ остается. Неужели управа дорожить этимъ, какъ «доходною статью»?

— Призываю, я съ вами совершенно согласенъ. И по моему самныя «фирмы» слѣдовало бы отказаться отъ публикацій на занавесѣ: она только раздражаетъ публику, а публика вѣдь—покупатель, котораго злить отнюдь не слѣдуетъ.

Ну-съ, такъ публика наша нуждается въ дальнѣйшихъ развлеченияхъ, дабы не заскучать собою.

Къ счастью, эти развлечения уже уготованы. Г. Апровъ съ своей группой караулитъ публику и сегодня выступитъ на сцену. По закону вы уже знаете, что группа г. Апрова составляетъ солида; нѣкоторые артисты и артистки (какъ, наприм., г-жа Юрьева, г. Смирновъ) уже выступали на нашей сценѣ и имѣли успѣхъ. Репертуаръ товарищества востановленъ чрезвычайно интересно, а такіе новинки, какъ «Варокъ» и «Вержеракъ», несомнѣнно привлекутъ особенное вниманіе публики. Значитъ, все идетъ какъ нельзя лучше!

Несиромный Наблюдатель.

Мас. II, с. 263 — Андрей Мих. Бандуров.

Сир. Был ли в Крыму?..